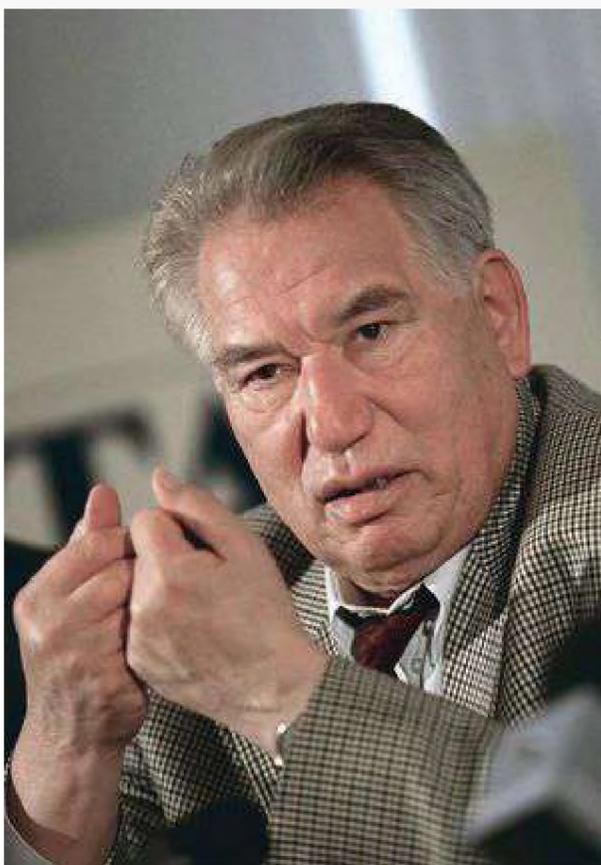

Казакхстанская

Третья

«И дольше века...»

«Бог рассчитывает на нас так же, как мы рассчитываем на него. Но каково же его долготерпение!» – сказал однажды Чингиз Айтматов.

«О Иссык-Куль, ты око земли. Ты всегда смотришь в небо. Обращаюсь к тебе, вечный, незамерзающий Иссык-Куль, чтобы стала известна мольба моя богу-вершителю судеб – Тенгри, когда он глянет сверху в твои глубины...»

Чингиз Айтматов в «Плаче перелетной птицы», поэме, опубликованной в 1972 году в «Литературной газете», впервые в своем творчестве обратился к образу Тенгри. Культ Тенгри, как это ни парадоксально, далеко не языческое понятие. Это прежде всего первооснова ряда религий, это, собственно говоря, и есть религия. Тенгри – это синее небо, невидимое верховное божество, которому поклонялись тюркско-монгольские и тибетские кочевые народы.

«А великое синее озеро, глядевшее оком в небо среди скалистых снежных гор, перекачивало воды в хмурых глубинах и бугрилось плотью живой – упругими мускулами больших, медлительных волн, возникающих и умирающих втуне. Озеро как бы потягивалось, собиралось с духом, чтобы грянуть ночью бурей. А пока над чистым озером, над его чистым простором, залитым весенним солнцем, все так

же высоко в воздухе роились, все так же кричали во все голоса перелетные птицы, охваченные предчувствием сбора и скорого движения в новый путь по миру».

«Тенгрианство не имело пророка, не оставило явных письменных канонов, и поэтому момент его зарождения не вполне ясен. По наиболее распространенному представлению оно сложилось как сумма древних обычаев, верований, культов предков, то есть материального и духовного опыта алтаеязычных народов Центральной Азии во II тысячелетии до н. э. Понятия о небесном боге – Тенгри, Танир, Тангра, Денгере, Тура, Тейри – существуют у всех тюркских народов, а также у монголов, бурятов, калмыков, и, как это ни странно, под именем Тэнно – в японском синтоизме, под именем Тангароа – у полинезийцев, под именем Дингир – у шумеров. Возможно, также китайское понятие Тяньди – небесный правитель как верховное божество и последующий культ неба, возникший в Китае в эпоху Чжоу в I тыс. до н. э. – заимствование культа кочевых племен.

В более или менее стройную религиозную систему тенгрианство сложилось в империи хунну. Из китайских источников известно, что вожди хунну ежегодно в 5-й месяц (по лунному календарю), в день летнего солнцестояния, съезжались на большое собрание в свою летнюю резиденцию и приносили жертвы предкам, небу, земле, духам людей и небесным духам» (Мурат Уали «Тюркские мотивы»).

Чингиз Айтматов в «Плаче перелетной птицы», в этой поэме в прозе, через образы матери Кертолго-зайип и ее последыша Элемана во всей полноте раскрывает глубинную взаимосвязь ритуала тенгрианства с ландшафтом окружающего мира – побережьем Озера, обитателями Прииссыкуля, людьми, животными и высоко парящими птицами, которые, отзимовав у незамерзающего Озера, вновь готовятся к отлету.

«А мать все молилась истово и яро:

– Заклинаю белым молоком своим материнским, услышь, Тенгри, услышь мои слова! Мы пришли сюда, к оку твоему на земле – к священному Иссык-Кулю, чтобы к тебе обратиться, великий вершитель судеб – небесный Тенгри. Вот я, а вот рядом сын мой Элеман – мой последыш, больше уж мне не зачать и не родить мне больше ни хорошего, ни худого человека, а прошу только, дай моему последышу дар отцовский – мастерство Сенирбая; он и сам уже к ремеслу его тянется... А еще хочет он, последыш мой Элеман, хочет быть сказителем

«Манаса», как брат его Койчуман. Не откажи и в этом, а прежде всего и перво-наперво дай ему силу Слова издревнего, чтобы то Слово в душе приросло, как дерево корнями, чтобы сберег он Слово, от предков к потомкам идущее, для детей и внуков своих, дай ему силу и дух могучий, чтобы память вместила в себя Слово предков с тех пор, как кыргызами стали они...

Я мать троих сыновей, Тенгри, услышь мои мольбы, услышь. И просят тебя вместе с нами безъязыкие твари, что с человеком всегда заодно, – гончий пес наш Учар, настигающий зверя любого, что по правую руку сына стоит, и рыжая кобылица гривастая, что ни разу еще не прохолостила, что по левую руку стоит...

И хотя мать молилась негромко, вполголоса, чудилось Элеману, будто слова ее разбежались, рассыпались и вдаль, и вширь по всему озеру кликом жарким, завораживающим, и чудилось, будто слова ее отзывались тревожным и чутким эхом в горах окружающих: «Услышь меня, Тенгри, услышь, услышь...»

И Элеман, спустя годы, вспоминая этот час мольбы матери на озере, будет плакать и отрадно, и горько, будет благодарить судьбу за то, что мать вымолила ему у самого Тенгри дар великого сказителя «Манаса», за что имя ему дадут в народе – громоподобный манасчи Элеман. «Не знал он, что молодые годы его совпадут с лихими годами насилия ойратов, что людям придется слушать «Манас», скрытно собираясь в глухих ущельях, не знал он, что каждый раз, начиная с зачина «Манаса», мысленно будет возвращаться к мольбе матери на Озере, давно уже убитой ойратами за сокрытие сына-сказителя, и потому в обретение духа величия, и ощущение красоты и глубины Слова предков, в котором воспета суть бессмертия народа. Не знал он, что именно ему будет написано на роду напоминать затаившим от страха дыхание людям «Манас».

«О кыргызы, о самом великом среди нас, о Манасе слушайте сказ.

От тех дней и до этих дни утекли, как песок, несчетные ночи, ушли чредой безвозвратной, годы ушли и века караваном в бесследные дали... В этом мире с тех пор сколько душ пребывало, сколько камней есть на свете, а может, и больше. Среди них великие были люди и неизвестные были. Были добрые люди и злые. Силачи гороподобные были, батыры тигроподобные были, мудрецы всезнающие были, мастера всеумеющие

были, народы многолюдные были, давно исчезнувшие, от которых остались теперь лишь их имена.

Что было вчера – того нет сегодня. В этом мире все приходит и все уходит. В этом мире только звезды извечны, что правят свой путь при извечной луне, только вечное солнце извечно с востока встает, только земля черногрудая на извечном месте своем. А на земле только память людская живет дольше всех, а самому ж человеку путь отмерен короткий – как расстояние между бровями. Только мысль бессмертна, от человека к человеку идущая, только слово извечно, от потомков к потомкам идущее...

От тех дней и до этих земля изменяла свой лик много раз. Там, где не было гор, горы возникли кряжистые. Там, где горы стояли, равнины сухие простерлись. Там, где зияли овраги, ямы сровнялись, как тесто, там, где реки бежали, берега сомкнулись, как швы. А тем временем новые рвы и пропасти новые промыты дождями в толще земной. Где когда-то плескались моря голубые со дня сотворения мира, пустыни сыпучие ныне лежат в молчаливом пространстве... Города воздвигались, города разрушались, и на старые стены новые стены вставали...

От тех дней и до этих слово рождало слово, мысль рождала мысль, песня сплеталась с песней, быль стала древним преданием. Так дошло до нас сказание о Манасе и сыне его Семетее, ставших твердыней кыргызских родов, ставших защитой от многих врагов...

В этом сказании воскресили мы голос отцов и дедов, в этом сказании услышим мы: птицы полет в высоте, давно отлетавшей, топот копыт, давно заглохший, крики батыров, в поединке сразившихся. Плач по погибшим и клики побед. В этом слове минувшая жизнь снова возникнет перед взором живых, во славу живых, во славу живых...

Так начнем же наше сказание о превеликом Манасе и доблестном сыне его Семетее – во славу живых, во славу живых...»

И как в великом и бессмертном фольклоре разных стран и народов, птица плачем своим приносит печальную весть. И здесь сила и могущество Тенгри невидимыми воздушными волнами обволакивает приозерный ландшафт, рождая в Озере мифические буруны и волны, рев водопадов в глубоких ущельях, вой волка на всплывающую луну. И над всем этим вселенский плач – плач перелетной птицы. О резне и

людском побоище на этой священной земле. И птицы крылами уносили свой плач все дальше и дальше, все выше и выше.

«Мы летим, возносясь все выше и выше... Так высоко, что горы становятся плоскими, а потом и совсем незаметными, и земля, удаляясь все дальше и дальше, очертанья теряет: где там Азия, где там Европа, где океаны, где твердь? Так пустынно вокруг – во Вселенной безбрежной только шар наш земной, как верблюжонок заблудший в степи, тихо качается, тихо плывет, ищет мать свою.

Но где она, мать-верблюдица? Где мать всей земли, где мать всей земли? Ни звука! Только ветер гудит, ветер пустынных высот, и тихо плывет и качается земля с кулачок, земля с кулачок. Тихо плывет и качается, точно сиротское, точно дитячье темечко – зыбка земля, зыбка земля. Так неужели на ней столько Добра вмещается, столько Злых дел прощается, столько Добра вмещается, столько Злых дел прощается? Нет, не надо прощать, нет, не надо прощать, молю вас, дымы творящие, думы творящие, долю творящие!»

«Плач перелетной птицы» – это, я бы сказал, не только высокоталантливое приложение к эпосу-энциклопедии «Манас», это отдельная глава в древней и всегда молодой истории кыргызского народа. Как и все литературное наследие великого сына человечества – Чингиза Торекуловича Айтматова. Будем же достойны этого наследия – в своих чаяниях и помыслах, в своем поведении и в своих действиях, перешагнув порог нового столетия и нового тысячелетия.

* * *

Вместе с вступлением в третье тысячелетие человечество вступает в начальный период эпохи глобализации, во многом чреватой исчезновением ряда особенностей и своеобразия нашего многонационального мира.

Данный период глобализации, по ложному мнению большинства технократов, положительно скажется, благодаря цифровым технологиям, на дальнейшем развитии коммуникаций, нашего образа жизни и общественного сознания. Однако это далеко не так, как представляется на первый, чисто внешний взгляд.

«Цифра», разумеется, в наше время вбирает в себя буквально все, включая многовековое достояние человечества – наскальную живопись (петроглиф), фольклор, этнографическое и мифологическое разнообразие мира. Одним словом, образуется некое «цифровое» общение мира, хотя все это, на мой взгляд, должно нести в своей основе прикладной характер и всемерно способствовать «чувственному» и подсознательному восприятию нашего великого прошлого и окружающего нас прекрасного ландшафта. Помогать нам в этом, а не разрушать, когда в силу этой самой глобализации порождаются конфликты, как между нациями, так и между людьми, а зачастую и внутри сознания одного индивидуума – homo sapiens.

В произведениях Чингиза Айтматова эти противоречия и парадоксы нашего бытия зачастую прослеживаются через образы и явления – порой хроникально четко, порой подсознательным действием героев и персонажей повестей и романов.

Образ кочевника прошлых столетий сопрягается с образом кочевника с авиабилетом века нынешнего, в эпоху естественного космополитизма, когда равнодушие нашего бытия можно разрушить и необходимо разрушать только осознанием корней своего прошлого, только осознанием своей неслучайности в этом «цифровом» мире.

Священное озеро Иссык-Куль является, на мой взгляд, своеобразным центром, где в разные века пересекались пути и устремления многих религиозных конфессий. Тенгрианство, буддизм, зороастризм, манихейство, христианство, мусульманство – все это, идущее с запада на восток, а с востока на юг и север, в той или иной степени оседало на берегах Иссык-Куля – пещерными храмами, священными камнями, ступами и святыми деревьями, монастырями, синагогами, церквями и мечетями.

Иссык-Куль – одна из прародин тюрков. Иссык-Куль – это Земное око Тенгри. Путем богов Тенгри, которые в своем количестве могут доходить до девяносто девяти, и на верхушке высокого дерева может отдыхать один из этих девяносто девяти, а также Мать – Умай в образе перелетных птиц. Тюрки познавали себя в других народах, а их веру и религии порою принимали в свою необъятную душу, и в большинстве своем не по своей доброй воле. Древний уйгурский народ за время своего многовекового пути пережил на своей судьбе целых три религии: тенгрианство, манихейство, мусульманство. И все же вначале был Тенгри!

Быть может, в «Плаче перелетной птицы» и отчасти в «Прощай, Гульсары», где многие страницы пропитаны и «дышат» духом Тенгри, начинается писательский поиск «богоустройства» мира, в рамках и тисках так называемого соцреализма, поиск «божественного» в личности человека.

Затем были, не считая печальной сказки «Белый пароход», хотя и там проступает тенгрианское начало в образе Рогатой матери-оленихи, «Пегий пес, бегущий краем моря», романы планетарного звучания – «Буранный полустанок» и «Плаха». И даже относительная неудача писателя – роман «Тавро Кассандры», но это творческая неудача Мастера.

Чингиз Айтматов не раз возвращался к образу Абуталипа Куттыбаева, даже когда прошло свыше двадцати лет после издания романа «Буранный полустанок». И в своей вставной повести «Белое облако Чингисхана», и в «Препоручение Богу...»

И это после того, что уже годами устоялось в многомиллионных читательских умах, буквально обжигая души образами и действием романа.

Словно искал дальнейшего соответствия прошлого к настоящему, реального к божественному, соизмеря однажды уже воплощенный замысел романа с теми переменами не только общества, но и каждой личности в отдельности, когда мы действительно «препоручаем» Богу свои помыслы, страдания и надежды.

Высший смысл бытия в том, чтобы оставить после себя хорошую память. Мой отец умер в 44 года, и у него это получилось, хотя он не ставил перед собой такой задачи.

Чингиз Айтматов считал, что высший смысл бытия – в совершенстве человеческого духа. Если разобраться, и он своими мыслями о том же, о божественной памяти.

«Бог рассчитывает на нас так же, как мы рассчитываем на него. Но каково же его долготерпение!» – однажды изрек Мастер.

Многие и многие из писателей, поэтов, литературоведов-критиков, журналистов и просто читателей не раз встречались и имели счастье

беседы с Чингизом Айтматовым. О нем много писали, известны научно-исследовательские работы по его многогранному творчеству, литературоведческие статьи по рассказам, повестям и романам, вышедшим в разных странах и на разных континентах. Его диалоги и интервью полны созидательных мыслей и суждений, они актуальны были и при жизни писателя, они актуальны и сейчас, в наше противоречивое, поистине судьбоносное время, в Бишкеке, Оше, Джалал-Абаде, на Иссык-Куле и далее по миру – до Японии, где живет главный герой моей повести «Тамга Тас» Мияно Ясуси. Я говорю не о себе – просто моей повести не было бы без уроков Айтматова.

О таких людях, каким являлся Мастер, говорят, что достаточно прикоснуться к нему, чтобы почувствовать его святость. Диалоги с Расулом Гамзатовым, с Куртом Воннегутом, Хейнцем Плавинусом, Николаем Анастасьевым, Федерико Майором, Дайсаку Икэда... Беседы с Г. Гачевым, Г. Атрыном, О. Сулейменовым, М. Шахановым, Г. Шалахметовым... Статьи и отдельные издания книг о Мастере Е. Озмителя, Н. Потапова, К. Асаналиева, Р. Рахманалиева, выдающегося философа Георгия Гачева, который, подписывая мне свою книгу «Чингиз Айтматов и мировая культура», зачеркнул союз «и», вместо него написав «в свете», ибо у него в рукописи значилось «Чингиз Айтматов в свете мировой культуры». Казалось бы, одни и те же слова, но, к сожалению, нет того самого света, без которого немыслимы ни авторская позиция, ни литературные персонажи Чингиза Айтматова...

У меня было всего несколько личных встреч с Мастером – в Бишкеке, Алма-Ате, Москве, Париже. И постоянные встречи с ним и с его литературными героями при чтении его произведений глазами и по памяти, ибо всегда есть «Кастальский ключ» понимания, как писал Рей Брэдбери: «Когда спросят нас, что мы делаем, мы ответим: мы вспоминаем. Да, мы память человечества, поэтому мы в конце концов непременно победим!»

Последняя моя встреча с Мастером относится к ноябрю 2007 года. Мы повстречались на юбилее поэта и драматурга Нурлана Оразалина. Буквально неделю назад «Литературная газета» опубликовала цикл моих стихов «Тамга Иссык-Куля». Мастер сказал, что читал этот номер «Литературки», находясь в салоне самолета. Больше других стихов ему пришлись по душе мои «Манасчи».

– Чон болосын, баскалар кичи! – одобрительно произнес он строку из этого стихотворения, что в переводе с кыргызского означает «Будь великим, остальные малы...» – Чон, чон...

А через полгода его не стало. SMS-сообщение из Москвы, словно горестный вздох небес, пробудило среди глубокой июньской ночи – умер Айтматов.

Я разбудил Мурата Ауэзова, который приехал по делам из Алма-Аты и отдыхал в соседней комнате моей астанинской квартиры. Мы до утра просидели на кухне, встречая предутренние сумерки, а затем и раннее утро. Первое осиротелое утро без Мастера.

Вспоминали образы и персонажи его литературных произведений.

От пегого пса, бегущего краем моря, до иноходца Гульсары.

От девочки Алтынай до Найман-Ана.

От ранних журавлей до плача перелетной птицы.

От волчицы Акбары до Рогатой матери-оленихи и верблюда Каранара.

От учителя Дюйшена до Абуталипа.

От мальчика Эрмека до старика Момуна, табунщика Танабая, дорожного обходчика Едигея Буранного.

От белого парохода своего детства до манкурта Жоломана...

Вспоминали себя.

**БАХЫТЖАН КАНАПЬЯНОВ, ПОЭТ, ЛАУРЕАТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ
ПРЕМИИ ИМ. АБАЯ**

Окончание. Начало в номерах «КП» за 7.04, 14.04.2023 г.